

вании высшей справедливости как некоего идеала, к которому следует стремиться, лежавшая в основе развития римского права, была весьма близка христианскому учению о праве и государстве, в результате система римского права была в целом успешно воспринята христианскими Римом и Византией (Логос был заменен Божественным Словом). И даже последующее развитие европейской цивилизации, ее постепенный отход от христианских ценностей и идеалов не смогли изменить мировоззренческую парадигму континентальной Европы, римский дуализм в понимании права был воспринят всеми основными европейскими языками (*droit* и *loi* во французском, *Recht* и *Gesetz* в немецком, *derecho* и *ley* в испанском и т. д.), просто вместо Божественной справедливости в качестве права-*jus* стали выступать иные формы представлений о трансцендентной справедливости. Воплощением права-*jus* в конкретные предписания в романо-германской правовой семье занимается законодатель, создающий право-*lex*, а множество правоприменителей обеспечивают осуществление данной справедливости посредством строгого исполнения права-*lex*. При этом право в романо-германской правовой семье имеет скорее инструментальную, чем абсолютную ценность, настоящую ценность имеют те религиозные, идеологические и морально-нравственные идеалы, которые стоят за (или над) правом.

В свою очередь англосаксонская правовая семья базировалась не на поиске трансцендентной справедливости (в английском языке *law* обозначает и право, и закон одновременно, эти явления во многом отождествляются, а для выражения понятия «закон» в узком смысле используется термин *act*), а на достижение должного порядка посредством соблюдения определенной процедуры. В результате разрабатываемые в данной правовой семье концепции достижения гармонии в обществе основываются прежде всего на институциональных, процессуальных гарантиях, которые рассматриваются как универсальные для всего человечества, а право, правовые процедуры рассматриваются как самостоятельные ценности.

В вышеуказанных мировоззренческих отличиях понимания права заключается опасность некритического заимствования, произвольного комбинирования в национальной правовой системе институтов разных правовых семей: в лучшем случае бездумно перенесенные институты попросту не будут работать, в худшем – начнут подрывать, дезорганизовывать смежные национальные правовые институты.

КОНСТРУКЦИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ

Федорович Т. Н., Белорусский государственный экономический университет

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент В. И. Ермолович

Право собственности зародилось на заре цивилизации. От столетия к столетию данный институт совершенствовался, сформировалось многооб-

разие новых объектов и субъектов права собственности. Несколько тысячелетий назад произошло деление права собственности на категории владения и права собственности в нашем современном понимании, что в свою очередь привело к объективной необходимости законодательного регулирования данных процессов.

В монографических изданиях и учебной литературе по гражданскому и римскому частному праву в разделах, которые посвящены вещному праву, общепринятым является положение, указывающее на сложность и неоднозначность вопроса о сущности института собственности. Причина этой сложности и неоднозначности очевидна: собственность проявляется прежде всего в отношениях лиц к своим вещам и в отношениях между лицами по поводу вещей, а поскольку отношения эти необычайно многообразны и неоднородны, постольку в доктрине возможны весьма различные концепции и конструкции данного института.

В гражданском и хозяйственном праве под собственностью понимается совокупность определенных правомочий субъекта по отношению к вещи. Перечень таких правомочий не является закрытым, а их иерархия служит в большей мере предметом для доктринальных споров, чем инструментом для принятия судебных и практических решений. Таким образом, большинство правомочий превращает их обладателей в собственников, а так как правомочия могут распределяться между несколькими лицами, право собственности может принадлежать как одному, так и нескольким одновременно. В современной романо-германской правовой системе право собственности рассматривается как полное господство лица над вещью. Так, в Гражданском кодексе Франции (ст. 544) собственность определяется как «право пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом с тем, чтобы пользование не являлось таким, которое запрещено законами или регламентами». Параграф 903 Германского гражданского уложения констатирует: «Собственник вещи может, если тому не препятствует закон или права третьих лиц, распоряжаться вещью по своему усмотрению и устранять любое вмешательство». Аналогичные нормы можно найти в Гражданских кодексах Испании (ст. 348), Португалии (ст. 1305) и Швейцарии (ст. 641). В этом ничего удивительного, поскольку влияние Кодекса Наполеона и Гражданского уложения на гражданское законодательство этих стран было самым непосредственным.

В свою очередь белорусский законодатель опирался на упомянутое выше определение собственности ст. 544 Гражданского кодекса Франции.

В классической западной юриспруденции право собственности рассматривалось как наиболее полное господство лица над вещью. Идею полного господства над вещью (*plena in re potestas*) можно найти у римских юристов. Римская конструкция собственности восстанавливается лишь в результате анализа многих высказываний классиков по поводу тех или

иных вещных прав. Причем сама эта конструкция не носила завершенного характера. Тем не менее следует отметить, что при глубоком изучении трудов западных юристов видно, что взгляд на собственность как на сумму правомочий владения, пользования и распоряжения находится в серьезном противоречии с римским взглядом на эту проблему.

Дефиниция права собственности, которая закрепилась в белорусском праве, где собственность представлена как совокупность владения, пользования и распоряжения, отличается от монументального *ius utendi et abutendi* тем, что белорусский законодатель прибавил владение, которого нет ни у глоссаторов, ни во французском Кодексе. В подобной формулировке критикуемая нами дефиниция оказывается особенно неудачной.